

стическим прошлым праздничного числообразования. Число в алхимии — жесткий символ, намертво приколоченный к цветной вещи. Незыблемость оборачивается подлинной шаткостью и неопределенностью, но зато весь регулярный ряд чисел (дробных тоже) — в алхимических запасниках: веское основание перейти от сакральной арифметики к практической алгебре.

СИМВОЛИЗМ алхимического мышления органично соседствует и взаимодействует со средневековым неалхимическим, несимволическим способом уподобления. Алхимический символ и вещь, означенная этим символом, — жесткая статическая конструкция. Не потому ли алхимический символ можно было бы принять за посланца из нового времени? Но вместе с тем и из неоплатонической Александрии забредшего в христианские средние века, исподволь подвергающего их длительной и необратимой эрозии. Простое накопление однородных символических пар в картине алхимического мира — очевидное свойство алхимического символотворчества, вырванного из контекста культуры средних веков. Но, если принять это накопление за имманентную особенность алхимического символизма, взаимодействующего с несимволическим средневековым мышлением — в этом-то и состоит специфически средневековая его природа — можно уловить коренные исторические преобразования как алхимического символического средневековья, так и его оппонента, средневековья официального. Представим теперь макроконструкцию символично-аллегорического миропорядка, запечатленного в средневековом сознании.

В *«Изумрудной скрижали» Гермеса* читаем: *«То, что внизу, подобно тому, что вверху»*. Беспорядочно смешанные низ и верх, плоть и дух, земля и небо, выводимые, однако, из недр *«божественной единицы»*, здесь не разведены. Поляризация лишь угадывается. *Универсум* является сплошным: небесное и земное равноправны. Значительно позже *«эссенциальное»* и вместе *«пресуществленческое»* движение алхимической мысли поляризует мир, разведет полюса, жестко зафиксировав осмысленные крайности в противопоставлении *плоть — дух, человек — бог, земля — небо*. *«Чтобы достигнуть основательного и совершенного очищения от всякого земного, — говорит Джон Пордедж (XVIII в.), — я предал свои страсти огненной плавильной печи, как очистительному огню, до тех пор, пока все мои суетные земные вожеления не сгорели в огне и совершенно не расплавились все мои железо, цинк, шлаки, дабы я смог явиться как чистое золото в своем духе и осознать в себе новое небо и новую землю»* (Цейтлин, 1931б, № 10, с. 54).

Пора зрелого средневековья (XII—XIV вв.) как раз застала это *новое небо* и эту *новую землю*. Полюса оказались заведомо неравноправными, однако такими, когда в небесном узнается земное, освященное небесным своим подобием.

Мир символов — это узнавательные аллегорические параллельно-меридианные ряды, линующие, опоясывающие, сжимающие, подобно сталь-